

Правомерность обращения к праву на самооборону в отношении негосударственных акторов в рамках международного права

Г.К.Туманов

Аппарат Первого заместителя Министра обороны Республики Армения

Право
безопасность

Ключевые слова: негосударственные акторы, применение силы, международное право

Адрес для корреспонденции: gevorgs@rambler.ru

В этой статье мы постараемся раскрыть вопрос легитимности оправдания обращения к праву на самооборону против отдельного лица или группы лиц, а именно против так называемых негосударственных акторов.

Сегодня негосударственные акторы, например, такие, как незаконные вооруженные формирования или террористы, занимают все более осязаемое место в межгосударственных отношениях, где имеет место применение силы. В связи с этим некоторые государства и юристы-международники пытаются привести их в сферу «компетенции» *jus ad bellum*. Они оправдывают такую позицию тем, что отдельные лица или группа лиц могут серьезно поставить под угрозу безопасность государств, и часто приводят в пример существенный успех восстания и ведение военных действий партизанскими отрядами, например, против французского колониального режима Вьет-Мин*, тем самым показывая, что действия таких групп могут быть столь же эффективными, как, например, войск, оснащенных «обычным видом вооружения» и действующих на открытой равнине.

Возникает вопрос, действия каких лиц могут быть квалифицированы как «воору-

женное нападение» на основании ст. 51 Устава ООН (*ratione personae*)? Поиск ответа на данный вопрос следует провести в два этапа. Во-первых, следует выяснить, только ли государство может совершить вооруженное нападение или нет. Если на первый вопрос мы ответим утвердительно, то возникает второй вопрос: какую связь иметь с определенным государством, чтобы квалифицировать действия таких лиц в качестве вооруженного нападения?

Сторонники широкого толкования понятия «вооруженное нападение» утверждают, что «вооруженное нападение» не зависит от статуса актора в международном праве, и заявляют, что «вооруженное нападение» не означает «вооруженное нападение» на государство. Следует заметить, что бурное развитие такая позиция получила после известных событий 11.09.2001, и такой позиции придерживаются меньшинство юристов-международников, т.к. их правовые аргументы являются достаточно неубедительными.

Такое толкование «вооруженного нападения» может иметь место при прочтении ст. 51, т.к. настоящая статья не определяет актора, участвующего в вооруженном нападении, что, по мнению некоторых специалистов, означает, что не обязательно вооруженное нападение должно быть совершено государством. Таким образом, текст ст. 51 открыт для широкой интерпретации [2-5].

ТУМАНОВ Геворг Константинович

Выпускник МГИМО (У) МИД РФ. Главный специалист Аппарата Первого заместителя Министра обороны Республики Армения. Советник третьего класса. Российско-Армянский (Славянский) университет, соискатель.

* Вьет-Минь (Лига независимости Вьетнама) — организация, созданная Хо Ши Мином для борьбы за независимость Вьетнама от Франции и Японии. Во время Второй мировой войны Вьет-Минь боролась как с японскими оккупантами Вьетнама, так и с подчинявшейся им французской колониальной администрацией. В этот период она получала помощь от США и от гоминьдановского правительства Китая. Когда в августе 1945 г. Япония капитулировала, эта поддержка была прекращена, и Вьет-Минь пришлось сражаться с французскими войсками без серьезной внешней поддержки. 02.09.1945 было провозглашено создание Демократической Республики Вьетнам [1].

Статья 51 Устава Организации Объединенных Наций

Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Позиция, в соответствии с которой действия частного характера нельзя исключать из ст. 51, также основана на различных отрывках из Резолюций Совета Безопасности ООН. К примеру, Резолюция 241 выражает позицию Совета Безопасности ООН в отношении «серьезного положения, создавшегося в Демократической Республике Конго, в результате совершенных иностранными вооруженными силами наемников вооруженных нападений на эту страну» [6]. Но текст Резолюции является не таким ясным, как может показаться с первого взгляда, т.к. при внимательном прочтении становится ясно, что Совет Безопасности не говорит о связи между «иностранными вооруженными силами наемников» с конкретным государством и не определяет действия в качестве «вооруженного нападения» в соответствии со ст. 51. Фактически Резолюция не говорит о самообороне вообще. Интересным является прочтение Резолюции на французском и английском языках, где в английской версии пишется «armed attack» как «attaque armée» вместо «aggression armée», как во французской версии ст. 51. Схожая языковая терминологическая путаница выявлена и с Резолюцией 405 в отношении Народной Республики Бенин [7].

После событий 11.09.2001 Совет Безопасности ООН прямо сослался на неотъемлемое право на самооборону в Резолюции 1368 [8], что привело к дальнейшему утверждению различных специалистов, что это равносильно признанию правомерности ответных действий против «Аль-Каиды», т.е. негосударственного актора, а на деле против Афганистана в рамках реализации права на самооборону, вне зависимости от степени

существования связи террористической организации с суверенным государством. Но следует понимать, что Совет Безопасности ООН в этой Резолюции не признал право США на обращение к праву на самооборону против Афганистана или против такого негосударственного актора, как «Аль-Каида», а всего лишь в очередной раз «признал» право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом ООН. Следует заметить, что Резолюция даже не устанавливает то, что право на самооборону применимо в борьбе против террористических атак или террористических групп. Более того, можно усомниться в том, что Устав наделил Совет Безопасности правом принимать обязательные решения в отношении наличия или отсутствия вооруженного нападения или определять (заявлять) в отношении вопроса правомерности применения вооруженной силы в качестве самообороны. Статья 51 уполномочивает Совет Безопасности и фиксирует временные рамки для «применения мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности», что отличается от права определения вопроса правомерности действий в качестве самообороны. Совет Безопасности не может ни в каком смысле «узаконить» самооборону. Противоположного мнения придерживаются приверженцы теории Т.Франка [9].

В доктрине международного права мы часто встречаемся с утверждением, что действия негосударственных акторов не могут быть квалифицированы как применение силы в смысле ст. 2(4). Большинство специалистов утверждает, что запрет угрозы силой или ее применение имеет исключительно межгосударственный характер. Статья 2(4) Устава ООН гласит: «*Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против... любого государства...*». Негосударственные акторы нарушают международное право, совершая террористические акты, но они не связаны ст. 2 (4). Исключительно отдельные люди не могут нарушить запрет угрозы силой или ее применения. В общем плане можно утверждать, что отдельные люди не могут нарушать суверенитет государства, потому что для нарушения суверенитета государства необходим как акт государства, так и нарушение суверенного равенства государств, например, путем незаконной интервенции или акта агрессии. Частные действия не могут нарушить принцип *par in parem non habet imperium*.

Сегодня, исходя из существующих геополитических проблем, все чаще поднимается вопрос, касающийся защиты против действий негосударственных акторов, направленных с территории другого государства, а особенно с территорий так называемых несостоявшихся государств*.

Конечно, у государства-жертвы есть ряд других возможностей защиты, кроме как самооборона, а именно: обращение в Совет Безопасности ООН, укрепление зоны соприкосновения границ и в определенных случаях, как утверждает, возможность прибегнуть к действиям, основываясь на концепцию «необходимости», в рамках ст. 25 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 [11]. Однако Устав ООН не признает такое исключение из запрета силы, а государство, в отношении которого осуществляется самооборона, само должно было осуществить вооруженное нападение. Представляется нелогичным, если позволить государству А нанести удар по государству Б, т.к. лицо В фактически неподконтрольно государству Б и наносит вред государству А. На государство нельзя возложить ответственность за то, что оно не может контролировать все, что происходит на ее территории или с ее территории, т.к. попросту это было бы фикцией. Следует заметить, что в доктрине международного права просматривается и противоположная позиция по этому вопросу [2]. К примеру, Т.Франк считает, что самооборона может быть осуществлена не только в отношении нападающей стороны, но тем не менее не дает никаких правовых оснований для такого концептуального расширения самообороны [3]. Э.Миллер полагает, что вооруженное нападение может быть совершено негосударственным актором, но продолжает утверждать, что самооборона может быть применима только против государств и, таким образом, частично противоречит сам себе: «Во-первых ясно, что право на самооборону может только быть использовано против **нападающей стороны** или против государства, которое в значительной степени вовлечено. Израиль может только претендовать на право на самооборону в отношении Сирии и Иордании, а не в отношении Египта» [4]. К.Кресс придерживается несколько иного подхода и утверждает, что правомерно обращаться к самообороне в отношении «частного вооруженного нападения», но если имеет место определенная связь** государства и негосударственного актора при осуществлении вооруженного нападения [5]. К.Стэйн придерживается

похожей позиции, но для него вопрос признака вооруженного нападения решается в контексте вопроса **против кого** (против какого государства) силовой ответ может быть направлен, но не в контексте определения «вооруженного нападения» (*ratione personae*) [13]. Позиция меньшинства состоит также в том, что обороняющаяся сторона может

Отдельные люди не могут нарушать суверенитет государства, потому что для нарушения суверенитета государства необходим как акт государства, так и нарушение суверенного равенства государств, например, путем незаконной интервенции или акта агрессии

использовать вооруженную силу против государства, которое само по себе не совершало вооруженное нападение, аргументируя такую позицию тем, что государство берет на себя полную ответственность за действия негосударственных акторов на или с территории такого государства, а также утверждая, что правомерность применения силы против государства не зависит от его действий. Существует еще и такая позиция, в соответствии с которой К.Кресс считает, что следует проводить различие между индивидуальной и коллективной самообороной и стремиться запрещать коллективный ответ на нападения негосударственных акторов, в то время как индивидуальные ответы должны быть разрешены [5]. По нашему глубочайшему убеждению, такой подход не может иметь правового обоснования, т.к. ст. 51 четко ставит коллективную и индивидуальную самооборону на одну ступень, и следует понять: либо оба вида самообороны допускаются в отношении нападений со стороны негосударственных акторов либо нет.

Как становится ясно, на сегодняшний день не существует писаного основания для включения или исключения действий негосударственного актора в определение «воору-

* Понятие «несостоявшееся (провалившееся) государство (failed state/state failure)» было введено в научный и политический оборот в начале 1990-х гг. американскими исследователями Д.Хельманом и С.Ратнером. Несмотря на критику самого термина и самой концепции «несостоявшихся государств», он все же упоминается в качестве одной из новых угроз в Стратегии национальной безопасности США 2006 г., а также в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» в качестве одной из новых угроз указывается существование так называемых «слабых государств» [10].

**В деле Демократической Республики Конго против Уганды говорится о такой связи и, следовательно, о возможности обращения к самообороне.

женное нападение», хотя и систематическое толкование дает перевес в сторону позиции большинства исследователей. Статья 51 не упоминает субъект или государство, из которого должно исходить нападение. Конечно, есть некие намеки, мысли, что могут указывать на слабость аргументов меньшинства исследователей, но они не являются достаточно сильными, чтобы полностью развеять эти сомнения*.

Следующий вопрос, на котором мы хотели бы остановиться при раскрытии вопроса легитимности обращения к ст. 51 Устава ООН в отношении негосударственных акторов, это вопрос связи (степени связи) негосударственного актора и государства, которая должна быть для квалификации действий негосударственного актора в качестве вооруженного нападения. Настоящий вопрос является мало изученным, и его следует рассматривать в комплексе с иными смежными вопросами, в том числе с вопросом ответственности государств в международном праве, т.к. это является, как в свое время назвал член Комиссии международного права ООН, профессор Г.Хафнер, — фрагментацией международного права.

Существуют два подхода к разрешению настоящего вопроса. Первый подход, так называемый «традиционалистический», начинается с конкретного вопроса: при каких обстоятельствах и когда государство имеет право прибегать к вооруженной силе в целях самообороны, против «действий вооруженных групп»? [14]. Как утверждается, истоки «традиционных» взглядов на эту тему прослеживаются в деле Каролины. Но здесь исследователи этой группы не заинтересованы в классической доктрине самообороны по Уэбстеру и Эшбертону, а заинтересованы в том, чтобы квалифицировать инцидент как необходимую самооборону. Утверждается, что инцидент был связан с вооруженной группой, в связи с чем имела место неоспоримая самооборона, и поскольку нападающей стороной были не Соединенные Штаты, а частные люди, делается заключение, что самооборона

в настоящем смысле может включать в себя меры в отношении частных лиц.

Примечательно также то, что исследователи настоящей группы заявляют, что государство, как правило, не несет ответственности за действия своих граждан или за действия лиц, находящихся на ее территории [15]. А в случае неправомерности ответа на вооруженные нападения негосударственных акторов с территории другого государства вводится своего рода абсолютная обязанность терпеть действия (бездействия) других государств против него. Те исследователи, которые видели мало связи на примере самообороны в рамках инцидента Каролины между государством и частными лицами, должно быть, увидели возрождение и укрепление «традиционных» принципов после событий 11 сентября.

Существуют различные позиции, в соответствии с которыми нет в связи между государством и негосударственным актором для обращения к самообороне, следовательно, считаем нецелесообразным останавливаться на данном вопросе.

Вопрос некоего рода соучастия или причастности государства к действиям негосударственного актора получает все большее внимание в научных статьях и в доктрине международного права в целом. В связи с этим представляется, что слова Я.Броунли, написанные еще в 1958 г., могут быть рассмотрены как классический пример для приверженцев первой группы, а именно: «можно предположить, что скоординированные и общие кампании больших групп нерегулярных войск, у которых очевидный и легко доказываемый факт соучастия с правительством государства, с территории которого они действуют, будут представлять собой «вооруженное нападение», в особенности, если объектом является насильственное разрешение спора или захват территории» [14].

Конечно, сложно определить, какие категории государственных действий подпадают под «очевидный и легко доказываемый факт». «Содействие», простое обеспечение поставки вооруженной группы не могут быть достаточным основанием для определения «связи» с вооруженной группой, т.к., к примеру, нельзя с уверенностью утверждать, являлось ли одно конкретное «содействие» толчком для вооруженного нападения со стороны негосударственного актора. К примеру, Ф.М.Хиггинботам проводит четкое различие между «содействием» и «контролем» [16]. Интересным представляется также отдель-

* В п. 139 Консультативного заключения в отношении правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории от 09.06.2004 Международный суд установил, что право на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН ограничивается межгосударственными отношениями: «В ст. 51 Устава признается существование неотъемлемого права на самооборону в случае вооруженного нападения одного государства на другое. Однако Израиль не утверждает, что нападения на него могут быть приписаны какому-либо иностранному государству... В связи с этим Суд заключает, что ст. 51 Устава к данному случаю отношения не имеет». Несколько судей не разделили позицию Суда в отношении исключительно межгосударственного характера права на самооборону в международном праве. В частности см. п. 33-34 Отдельного мнения судьи Хиггинс, п. 35-36 Отдельное мнение судьи Коойманс, п. 4-6 Заявления судьи Бюргенталь.

ное мнение судьи Р.Дженнинга по делу Никарагуа: «Можно легко согласиться с тем, что одно лишь предоставление оружия не может составить вооруженного нападения. Но тем не менее предоставление оружия, в совокупности с другим видом вовлечения [в конфликт. — *Добавлено авт. — Г.Т.*], может стать очень важным элементом того, что составляет вооруженное нападение» [17]. Представляется, что здесь судья Дженнингс не противоречит самому себе, а считает, что только совокупность определенных действий может составлять так называемую «связь».

Далее приведем позиции второй группы исследователей по настоящей проблеме. Отправной точкой новой линии аргументации в отношении связи негосударственных акторов и государств служит право ответственности государств. Здесь проводится непосредственная связь между государством и поведением человека, т.к. государство как правомочное лицо действует непосредственно через индивида. Законную связь между индивидом и « правомочным лицом » обычно называют «связь», или «атрибуция» (attribution), или «вменение вины» (imputability).

Действия частных лиц (индивидов) или групп лиц могут быть «вменены» государству — государство может нести ответственность за такие действия, как если бы государственные органы совершили такие действия, — если негосударственные акторы «фактически действовали по указаниям либо под руководством» [18] такого государства («агенты» или «агентства») [19]. Абстрактные стандарты, которые КМП кодифицировала в ст. 8 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в отношении ответственности государств за международно-противоправные деяния и которыми руководствуются большинство специалистов и судей, звучат следующим образом: «Поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства по международному праву, если это лицо или группа лиц **фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем** этого государства при осуществлении такого поведения». Два аргумента «фактическое действие» и «контроль» родили много споров у специалистов при обсуждении вооруженного нападения против негосударственных акторов. Более того, слово «контроль» в настоящем смысле использует как Международный суд по делу Никарагуа, так и другие трибуналы, в качестве общеприменяемых стандартов [19-23].

Но серьезная проблема возникает не при толковании позиций первой и второй

групп исследователей, а при их синтезе или противоречии. Составляют ли два подхода единое целое или же они несовместимы? Являются ли они двумя различными нормами и как они противоречат друг другу? Похоже, что данная ситуация представляет собой пример *lex specialis* и *lex generalis*. Очевидно, что здесь классический пример коллизии правовых норм, т.к. два различных подхода, относящиеся к одному и тому же предмету,

Если действия против некоторых негосударственных акторов были классифицированы как самооборона, то государство-жертва может законно заявить о своем намерении применить силу или непосредственно применить силу в рамках неотъемлемого права на самооборону

противоречат друг другу. Кажется несколько искусственным предписывать определенное (неопределенное) поведение субъекту международного права. Неопределенность состоит в том, что если действия против некоторых негосударственных акторов были классифицированы как самооборона, то государство-жертва может законно заявить о своем намерении применить силу или непосредственно применить силу в рамках неотъемлемого права на самооборону, в то время как если такие меры не были бы так классифицированы, то и государство-жертва не смогло бы законно заявить о своем намерении применить силу или непосредственно применить силу.

«Вооруженное нападение» не является полностью запрещенным действием, т.к. ст. 51 не запрещает такой акт. Более того, в доктрине международного права большинство утверждает, что это просто условие для угрозы силой или ее применение, в целях оправдания (разрешения) самообороны, а вооруженное нападение само по себе не влечет за собой ответственности государства [24]. Таким образом, если не произошло «нарушения международных обязательств», то нет необходимости связывать действия физических лиц с государством* и стандарт, разработанный в ст. 8, неприемлем.

* См. ст. 2 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния»: Элементы международно-противоправного деяния государства. Международно-противоправное деяние государства имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: а) присваивается государству по международному праву; и б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства.

Тем не менее, в соответствии с мнением большинства исследователей, для того, чтобы вооруженное нападение возникло, требуется применение или угрозы применения силы. Необходимо, чтобы действия, составляющие «вооруженное нападение», отвечали условиям *actus reus* ст. 2 (4), что, в

Концепция самообороны против негосударственных акторов (в частности, против террористических групп) является несостоятельной, т.к. противоречит природе самообороны

свою очередь, является нарушением международных обязательств и требует наличия «атрибуции». Но все же остается открытым вопрос: «угроза силой или ее применение» эквивалентно ли «вооруженному нападению», или нарушение ст. 2 (4) является лишь одним из условий? Нарушение запрета силы рассматривается как необходимое условие, но не является неотъемлемой частью вооруженного нападения. Кроме того, лицо, которое выступает за определение «вооруженного нападения» в качестве незаконного акта такими средствами, будет противоречить позиции Международного суда по делу Никарагуа, а именно: «Но суд не верит, что концепция «вооруженного нападения» включает в себя только действия вооруженных групп, в значительных масштабах, но также **помощь повстанцам** в виде предоставления оружия или материально-технической или иной поддержки. Такая помощь может рассматриваться как угроза силой или ее применения или составлять вмешательство во внутренние или внешние дела других государств» [21].

Позиция суда состоит в том, что действия государства в качестве помощи повстанцам не могут быть «вооруженным нападением», но могут составлять «применение силы», что, по нашему мнению, не может быть идентичным.

Резюмируя все сказанное, считаем, что концепция самообороны против негосударственных акторов (в частности, против террористических групп) является несостоятельной, т.к. противоречит природе самообороны, что, однако, не означает, что у государств нет правомерной возможности защитить себя от таких нападений (в частности, возможность обращения в Совет Безопасности ООН, укрепление собственной обороноспособности и т.д.). Частные действия не могут нарушить принцип *par in*

parem non habet imperium. А если негосударственный актор обращается к вооруженной силе в отношении другого государства под непосредственным руководством или по инструкции определенного государства, то в таких случаях, с учетом всех требований, государство, которое непосредственно руководит или принимает каким-либо иным образом существенную роль в действиях негосударственного актора, может само стать объектом действий в целях самообороны со стороны «потерпевшего» государства.

1. *Труонг Шин*. Августовская революция во Вьетнаме. М., 1954.
2. *Dinstein Y.* War, aggression and self-defense, 3th ed. Cambridge, 2001. P. 244-245.
3. *Franck T.M.* Terrorism and the right of self-defense // *American Journal of International Law*. 2001. Vol. 95, N 4. P. 840.
4. *Miller E.* Self-defence, international law, and six day war // *Israel Law Review*. 1985. Vol. 20. P. 57.
5. *Kress C.* Gewaltverbot und Selbstverteidigungsrecht nach der Satzung der Vereinten Nationen bei staatlicher Verwicklung in Gewaltakte Privater. Berlin, 1995. S. 207.
6. Вопрос о Демократической Республике Конго. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/241 (1967).
7. Жалоба Бенина. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/405 (1977).
8. Резолюция Совета безопасности ООН S/RES/1368 (2001).
9. *Franck T.M.* Recourse to force. State actions against threats and armed attacks. Cambridge, 2002.
10. *Орбелян А.С.* Некоторые вопросы применения вооруженной силы в связи с феноменом несостоявшихся государств // *Материалы V Конверта РАМИ*. Т. 25.
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. A/RES/56/83. 12.12.2001.
12. Armed Activities on the territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda). Judgment // ICJ. Reports. 2005. Paragraph 146. <http://www.icj-cij.org/docket/files/116/10455.pdf> 10.04.2012.
13. *Stahn C.* "Nicaragua is dead, long live Nicaragua" — the right to self-defence under Article 51 UN Charter and international terrorism // *Terrorism as a challenge for national and international law: Security versus liberty?* / Ed. C.Walter et al. Berlin, 2004. P. 850-851.
14. *Brownlie I.* International law and the activities of armed bands // *International and Comparative Law Quarterly*. 1958. Vol. 7. P. 713-719, 731.
15. *Oppenheim's international law* / Eds. R.Y.Jennings, A.Watts. L., 1992. 9th ed. Vol. 1.
16. *Higginbotham F.M.* International law, the use of force in self-defence and the South African conflict // *Columbia Journal of Transnational*

- Law. 1987. Vol. 25. P. 549-550.
17. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua. Nicaragua v. USA, Dissenting opinion of Judge Jennings, §543.
 18. Статья 8 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/56/83 от 28.01.2002 в отношении ответственности государств за международно-противоправные деяния.
 19. *de Hoogh A.J.J.* Articles 4 and 8 of the 2001 ILC Articles on state responsibility, the Tadic case and attribution of acts of Bosnian Serb authorities to the Federal Republic of Yugoslavia // *British Year Book of International Law*. 2001 (2002). Vol. 72. P. 204, 268.
 20. United States diplomatic and consular staff in Tehran (United States of America v. Iran), Judgment of 24 May 1980 // *ICJ Reports*. 1980. P. 58.
 21. Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment of 27 June 1986 // *ICJ Report*. 1986. P. 113-116, 546.
 22. ECHR, *Loizidou v. Turkey*, Merits, Judgment of 18 December 1996 // *ECHR Reports*. 1996-VI, 2216. P. 2235-2236, 56.

23. ICTY, Prosecutor v. Dusko Tadic, Appeals Chamber, Judgment of 15 July 1999 AC (1999), p. 145 <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf> 12.04.2012.
24. *Kammerhofer J.* Uncertainty in international law: a Kelsenian perspective. Routledge, L., N.Y., 2011, P. 47.

Lawfulness of the treatment of the right to self-defence against non-state actors under international law

G.K. Tumanov, *Apparatus of the First Deputy Minister of defense of the Republic of Armenia*

In the XXI century non-state actors, such as the illegal armed formations and terrorist group, occupy an increasingly significant place in the interstate relations, where there is recourse to armed force. In connection with this, some states, international lawyers are trying to bring them within the scope of "competence" *ius ad bellum*, justifying such a position that the individual person or group of persons may seriously jeopardize the security of states. The author is convinced that the concept of self-defence against non-state actors is untenable, because it is contrary to the nature of self-defence. The private actions may not violate the principle of *par in parem non habet imperium*.

Key Words: *non-state actors, the use of force, international law*

Corresponding address: gevorgs@rambler.ru

Правила подготовки статей

В научно-практическом журнале «Право и безопасность» размещаются авторские материалы, отвечающие тематике журнала (см. сайт <http://www.dpr.ru>). Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (утвержден Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации 25.02.2011). Научное направление журнала: право, политология, экономика.

Общими критериями для материалов, принимаемых к публикации в журнале, являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах. Статьи, имеющие приоритетный характер, публикуются в первую очередь.

Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений.

В редакцию по адресу editor@dpr.ru направляется электронный вариант статьи на русском языке, подготовленный в редакторе Microsoft Word, справка об авторах и их фотографии для публикации. Материалы также могут быть высланы простой бандеролью по адресу: 101000 Москва, Главпочтамт, а/я 470.

В справке об авторе приводятся: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; должность и место работы; телефон служебный и мобильный; адрес электронной почты; почтовый адрес для отсылки авторских экземпляров; биография для публикации (не более 800 знаков).

Размер статьи не должен превышать 10 страниц машинописного текста (20 тысяч знаков, включая пробелы).

В начале статьи приводятся: название статьи; инициалы и фамилии авторов; должности авторов; учреждение, в котором была проведена работа; аннотация (600 знаков); перевод фамилий авторов на английский язык; ключевые слова; адрес электронной почты для корреспонденции.

Цитируемая в статье литература приводится в виде списка. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» (см. http://www.bookchamber.ru/GOST_P_7.0.5.-2008).

Представленная автором статья рецензируется экспертом редколлегии журнала.

Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание и перевод своей статьи редакции.

Авторский гонорар не выплачивается. Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию рукописей не взимается.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие автора с правилами журнала.